
ДУХОБОРЦЫ.

Орестъ Новицкій. Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Изда ніе второе передѣланное и дополненное. Кіевъ 1882 г.

Въ 1832 году вышло въ свѣтъ сочиненіе студента кіевской духовной академіи, Ореста Новицкаго, «о духоборцахъ». Несмотря на многіе важные недостатки, сочиненіе это имѣло громадный успѣхъ и было быстро раскуплено. Самыми рьяными покупателями были сами духоборцы, употреблявшіе всѣ усилія для пріобрѣтенія возможно большаго числа экземпляровъ сочиненія. Платились сумасшедшія цѣны: за брошюрку въ 146 страничекъ нерѣдко уплачивали десятки и сотни рублей. Такой исключительный интересъ духоборцевъ къ брошюрѣ г. Новицкаго объясняется тѣмъ, что въ ней въ первый разъ ученіе духоборцевъ было изложено систематически, въ богословской схемѣ, и, такимъ образомъ, сочиненіе г. Новицкаго сдѣлалось для духоборцевъ чѣмъ-то въ родѣ катехизиса. Въ настоящее время книга «о духоборцахъ» изданія 1832 года сдѣлалась необыкновенною библіографическою рѣдкостью.

Теперь, 50 лѣтъ спустя, г. Новицкій выпустилъ второе изданіе своего сочиненія, совершенно измѣненное и значительно дополненное. Несомнѣнно, однако, что второе изданіе книги «о духоборцахъ» далеко не будетъ имѣть того успѣха, какой имѣло первое изданіе. Главные покупатели перваго изданія, духоборцы, теперь уже не набросятся на книгу г. Новицкаго, такъ какъ въ настоящее время у нихъ есть свои собственные писанные «обряды», т. е. катехизисы, въ которыхъ духоборческое вѣроученіе изложено, конечно, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ въ книгѣ г. Новицкаго, безъ примѣси всякихъ нелѣпостей, которыя г. Новицкій, во второмъ изданіи своей книги, считалъ нужнымъ приписать духоборческому ученію.¹ Что же касается обыкновенныхъ читателей, то ихъ, несомнѣнно, оттолкнетъ отъ книги г. Новицкаго специальность трактруемаго ею предмета. А между тѣмъ, второе изданіе сочиненія «о духоборцахъ» содержитъ крайне интересныя страницы, знакомство съ которыми для массы читающей публики было бы очень желательно. Страницы эти касаются исторіи гоненій, воздвигнутыхъ на духоборцевъ. Правда, г. Новицкій употребилъ всѣ усилія, чтобы уменьшить интересъ этихъ страницъ. Проникнутый негодованіемъ къ русскимъ сектантамъ вообще, г. Новицкій всячески старается доказать, что духоборцы сами были причиною воздвигнутыхъ противъ нихъ преслѣдованій и что лица, ссылавшія ихъ въ Сибирь, и т. п., не только были правы, поступая такъ, но еще представляютъ собою образецъ гражданскаго величія и государственной мудрости (см. напр., стр. 102 и 277—281). Съ тою же цѣлью г. Новицкій пользуется безъ всякаго разбора источниками крайне сомнительнаго достоинства, напр., статьями о духоборцахъ и молоканахъ, помѣщенными за разные годы въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи». Последнія статьи полны такимъ очевиднымъ пристрастіемъ и неточностью фактовъ, что даже самъ г. Новицкій не разъ указываетъ на это, а объ одной статьѣ прямо говоритъ: «въ ней вообще бросается въ глаза шаткость сообщаемыхъ извѣстій и отсутствіе исторической объективности» (стр. 30). И тѣмъ не менѣе, г. Новицкій черпаетъ щедрою рукою изъ упомянутыхъ статей. Затѣмъ, значеніе книги г. Новицкаго значительно уменьшается отъ того, что онъ доводитъ исторію духоборцевъ только до середины 40-хъ годовъ и на этомъ времени почему-то прерываетъ свое повѣствованіе. Наконецъ, нельзя не поставить въ упрекъ г. Новицкому и то обстоятельство, что онъ не пользовался очень многими матеріалами, трактующими о духоборцахъ: хотя почтенный авторъ и заявляетъ, что онъ пересмотрѣлъ все, что появилось въ печати относительно духоборцевъ (см. предисловіе), но это просто пустое

¹ Г. Новицкій полагаетъ, что «у духоборцевъ нѣтъ письменного оформленнаго вѣроученія» (стр. 209); но это совершенная неправда: я встрѣчалъ у кавказскихъ духоборцевъ нѣсколько «обрядовъ» и имѣю списки съ нихъ.

слово. Такъ, авторъ, очевидно, незнакомъ со статьями и извѣстіями, касающимися современнаго положенія духоборцевъ и появившимися, какъ въ столичныхъ изданіяхъ, такъ и въ мѣстной кавказской печати: пользуясь авторъ этими статьями и извѣстіями, онъ не сочинилъ бы того якобы духоборческаго вѣроученія, которое изложено въ его книгѣ. Не пользовался г. Новицкій также многими матеріалами, касающимися исторіи духоборцевъ, какъ это мы увидимъ ниже. Несмотря на всѣ эти недостатки книги г. Новицкаго, сообщаемые имъ факты изъ исторіи духоборцевъ несомнѣнно краснорѣчивы. Собранный г. Новицкимъ матеріалъ рисуетъ предъ нами страницу изъ исторіи нашего недавняго прошлаго, тѣмъ болѣе интересную, что положеніе духоборцевъ мало чѣмъ разнилось отъ положенія другихъ нашихъ сектантовъ и раскольниковъ, и, такимъ образомъ, приводимые г. Новицкимъ факты освѣщаютъ недавнее положеніе значительной части русскаго народа. Исторія духоборцевъ интересна еще тѣмъ, что, раскрывая предъ нами всю суровость репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою яркій образецъ ихъ полной безрезультатности. Вотъ почему мы и сочли нужнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ исторической части труда г. Новицкаго.

Когда возникла духоборческая секта, достовѣрно неизвѣстно¹. Первая извѣстія о духоборцахъ правительство получило въ началѣ послѣдней четверти XVIII ст. и съ этого же времени начались энергическія преслѣдованія открытыхъ сектантовъ. Такъ еще въ 1779 году подверглись преслѣдованію духоборцы изъ донскихъ казаковъ, отданные подъ судъ за свою ересь. Какой именно былъ результатъ этого суда, будетъ извѣстно только со временемъ, когда будутъ опубликованы дѣла знаменитой тайной экспедиціи, но судя по тому, что извѣстно о печальной судьбѣ,

¹ Г. Новицкій для объясненія возникновенія духоборчества сочинилъ особаго «квакера изъ прусскихъ унтеръ-офицеровъ». Удивительное явленіе представляютъ вообще многіе изслѣдователи нашего сектантства: никакъ они не могутъ допустить, чтобы русскій мужикъ додумался хоть до чего-нибудь самаго, непремѣнно всегда оказывается нуженъ какой-нибудь иностранецъ, квакеръ, менонитъ, хотя бы изъ прусскихъ унтеръ-офицеровъ! И на какихъ соображеніяхъ строятся предположенія о существованіи этихъ зловерныхъ иностранцевъ, просто стыдно сказать! У нѣкоторыхъ духоборцевъ, напр., существуетъ сказка о томъ, что ихъ «вѣра» произошла отъ трехъ библейскихъ отроковъ, брошенныхъ въ печь по приказанію Навуходоносора; и вотъ г. Новицкій глубокомысленно заключаетъ, что подъ этими отроками нужно понимать либо нѣмцевъ Кульмана и Нордермана, сожженныхъ въ концѣ XVII ст. по приказанію московскаго патріарха, либо Оому Иванова, послѣдователя извѣстнаго Тверитинова, и хлыстовскихъ христовъ Суслова и Лупкина, изъ которыхъ первый былъ сожженъ живьемъ, а вторые въ видѣ труповъ. Почему въ данномъ случаѣ нужно разумѣть упомянутыхъ лицъ, а не кого-либо другого изъ сожженныхъ за разные ереси и почему, наконецъ, сказку духоборцевъ, изъ сожженныхъ за разные ереси и почему, наконецъ, сказку духоборцевъ, принимаемую ими самими въ буквальномъ смыслѣ, нужно истолковывать аллегорически, это остается тайною г. Новицкаго.

постигшей другихъ, открытыхъ вслѣдъ за тѣмъ духоборцевъ, можно думать, что и донскіе еретики жестоко поплатились за свою ересь. Вслѣдъ за донскими поплатились екатеринославскіе духоборцы, Мариупольскаго уѣзда, которые въ 1791 г. судились за то, что «они проповѣдуютъ свое ученіе на улицахъ и толпы народа постоянно окружаютъ ихъ» (стр. 52). За ними послѣдовали духоборцы харьковскіе (1793—1797 гг.). Въ 1796 г. былъ уличенъ въ духоборчество одинъ крестьянинъ Московскаго уѣзда, былъ судимъ и сосланъ съ семействомъ на фортификаціонныя работы въ Азовъ (стр. 44). Въ слѣдующемъ году судились за духоборчество нѣсколько крестьянъ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, причемъ двое, Андрей Толстаевъ и его жена, «наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей и сосланы въ Иркутскую губернію на каторжныя работы» (стр. 41 и 54). Вообще съ духоборцами не церемонились. Извѣстный Лопухинъ писалъ въ 1801 г. по этому поводу слѣдующее: «Никакая секта до того времени не была столь строго преслѣдуема, какъ духоборцы, конечно, не потому только, что они всѣхъ вреднѣе. Разными образами истязали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоятъ во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались. Всякій генераль-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто». И дѣйствительно въ это время погибли массы духоборцевъ. Такъ въ теченіе 1797—1800 гг. снова подверглись преслѣдованіямъ екатеринославскіе духоборцы. Около того же времени были судимы и сосланы въ Сибирь херсонскіе духоборцы. Въ исходѣ XVIII в. ссыльными духоборцами были наполнены крѣпость Азовъ, Рига, о. Эзель, Финляндія, Соловецкіе острова, Екатеринбургъ, Тобольская и Иркутская губерніи (стр. 38—47). Особенно интереснымъ является дѣло о 34 перекопскихъ духоборцахъ, разбиравшееся тоже въ концѣ XVIII ст. Послѣ долгихъ мытарствъ, сопровождавшихъ слѣдствіе, подсудимые были приговорены перекопскимъ уѣзднымъ судомъ къ слѣдующему наказанію: «какъ означенные подсудимые за вину и увѣщаніемъ остались непреклонными, то дабы отворотить впредь у людей, имъ подобныхъ, суевѣріе и самимъ имъ воздать за отверженіе ихъ отъ церкви, ея таинствъ и святыхъ—мщеніе сихъ преступниковъ, именно: алешковскихъ, лагерскихъ, чалбурскихъ и днѣпровскихъ въ Днѣпровкѣ наказать публично мужчинъ кнутомъ по тридцати, а женщинъ плетью по сорока ударовъ; дочерей же духоборцевъ Якова Лактева — Катерину и Ивана Палаева — Настасью, какъ несовершеннолѣтнихъ, по силѣ указа 1765 г. мая 2 дня высѣчь первую въ

Алешкахъ, а послѣднюю въ Днѣпровкѣ розгами, и по наказаніи всѣхъ сихъ преступниковъ, отправить ихъ въ Сибирь на поселеніе; имѣніе же ихъ описать, съ публичнаго торга продать и вырученныя деньги для записки въ казенный доходъ отправить въ перекопское уѣздное казначейство, исполненіе чего возложить на перекопскій земскій судъ.» Новороссійская уголовная палата, въ которую поступило означенное дѣло, измѣнило приговоръ уѣзднаго суда слѣдующимъ образомъ: «подсудимыхъ, обличенныхъ въ духоборческую ересь, сослать закованныхъ въ желѣза, безъ наказанія, въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей; о воспитаніи дѣтей ихъ ниже 10 лѣтъ въ православной вѣрѣ въ городѣ—городскому, а въ уѣздахъ — волостнымъ головамъ обще съ духовенствомъ имѣть попеченіе» (стр. 50—51)... Такимъ образомъ, достаточно было быть обличеннымъ въ духоборческую ересь, чтобы быть закованнымъ въ желѣза и сосланнымъ на вѣчную каторгу. Приведенный случай вовсе не представлялъ собою чего-либо исключительнаго. Такъ въ 1799 г. 31 человекъ херсонскихъ духоборцевъ были сосланы въ Екатеринбургъ на вѣчно для разработки рудниковъ, на самыя тяжкія работы (стр. 53). Въ слѣдующемъ году, между прочимъ, былъ сосланъ «за содержаніе духоборческой ереси» поселянинъ Перекопскаго уѣзда, Шалимовъ, сначала въ Екатеринбургъ къ разработкѣ рудниковъ, а потомъ въ нерчинскіе заводы (стр. 47). Въ тоже время, указомъ 30 марта 1800 года, было объявлено черезъ всѣ правленія, суды и расправы, что всѣхъ, кто на будущее время будетъ изобличенъ въ духоборческую секту, ожидаетъ ссылка на вѣчную каторгу (стр. 53).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I, отношеніе высшаго правительства къ духоборцамъ радикально измѣняется. Либеральная политика первой половины царствованія Александра Благословеннаго вещь общеизвѣстная, и я не буду останавливаться на этомъ предметѣ. Замѣчу только, что либеральное отношеніе тогдашняго высшаго правительства къ сектантамъ въ значительной степени обуславливалось склонностію самого Александра I къ мистицизму въ той философской формѣ, въ какой онъ проявлялся у нѣмецкихъ мистиковъ. Въ частности, духоборцы въ значительной степени были обязаны благорасположеніемъ императора извѣстному Лопухину, сенатору и довѣренному лицу Александра I. Въ 1801 г. Лопухинъ, вмѣстѣ съ другимъ сенаторомъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, получили отъ Государя порученіе произвести обзоръ такъ-называемой Слободы украинской губерніи. Здѣсь они между прочимъ обратили вниманіе и на духоборцевъ. Прибывъ въ Харьковъ, они потребовали свѣдѣній о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами тамошняго края. Мѣстное начальство, думавшее отличиться, представило такія свѣдѣнія о своей дѣятельности по отношенію къ духоборцамъ, которыя просто ужаснули Лопухина. Дѣло за-

ключалось въ слѣдующемъ. При вступленіи на престолъ Александра I, по высочайшему рескрипту освобождено было изъ Сибиріи множество духоборцевъ херсонскихъ, харьковскихъ и екатеринославскихъ, причемъ было повелѣно водворить ихъ на родинѣ въ прежнихъ жилищахъ и оставить въ покоѣ. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, харьковскіе духоборцы возвратились изъ ссылки въ августѣ 1801 г. и расположились на пещелищахъ своихъ прежнихъ жилищъ. Между тѣмъ уже въ октябрѣ того же года возвращенныхъ изъ ссылки духоборцевъ начали снова преслѣдовать: именно къ нимъ были отправлены для «увѣщанія» два священника и засѣдатель земскаго суда съ командою. «Первый вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, неимѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли дать имъ удовлетворительнаго отвѣта и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго—даромъ божіимъ, а злого—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ ними образъ Спасителя и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго Спасителя? Духоборцы отвѣчали: «это не Спаситель, а доска расписанная». Наконецъ, ихъ спрашивали: будутъ ли они платить подать и рекрутъ ставить? Они съ досадою говорили: «мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить! какіе отъ насъ рекруты? Остался старой, да малой, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь власть его, мы не можемъ (стр.) 58 — 59). Эти слова духоборцевъ были признаны «бунтомъ». Изюмскій земскій судъ немедленно поспѣшилъ на мѣсто «бунта» для розысковъ и возбужденія дѣла, о чемъ и донесъ губернатору. Губернаторъ передалъ обо всемъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому. Но увы! ретивыхъ «охранителей» ожидалъ непріятный сюрпризъ: сенаторы не только не поблагодарили ихъ за ревность, но еще приказали, чтобы «весь этотъ мнимый бунтъ приписанъ былъ недоумѣнію и неистовству увѣщателей, чтобы всякое слѣдствіе и розыскъ были тотчасъ пресѣчены, чтобы по этому дѣлу никому не было чинено стѣсненія и если кто взятъ подъ стражу, то немедленно былъ бы освобожденъ» (59). Вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторы донесли обо всемъ случившемся государю. Распространившіеся слухи о челоуѣчности сенаторовъ собрали къ нимъ духоборцевъ какъ харьковскихъ, такъ и изъ Екатеринославской губерніи. Въ это-то время Лопухинъ лично ознакомился съ духоборцами и вынесъ самое лестное мнѣніе о нихъ, которое и выразилъ какъ въ донесеніяхъ государю, такъ и въ своихъ «Запискахъ жизни». Между прочимъ, въ бесѣдахъ съ Лопухинымъ духоборцы выразили свое желаніе образовать особое поселеніе, гдѣ бы они могли жить отдѣльно отъ православныхъ. Желаніе ихъ было оформлено въ прошеніи, которое они подали Лопухину и въ которомъ просили исходатайствовать у государя удовлетвореніе ихъ желанія. Тогда Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій послали государю второе донесеніе, въ которомъ, передавая

просьбу духоборцевъ, ходатайствовали за нихъ и обращались въ милосердію государя (стр. 59—60).

Въ отвѣтъ на первое донесеніе Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, Александръ I выразилъ имъ «истинную свою благодарность за поступокъ ихъ въ дѣлѣ духоборцевъ» и въ указѣ, данномъ на имя слободо-украинскаго гражданскаго губернатора, утвердилъ всѣ распоряженія сенаторовъ относительно духоборцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указѣ этомъ было изображено общее направленіе, котораго правительство было намѣрено держаться по отношенію къ духоборцамъ. Предписывалось не только не стѣснить въ чѣмъ-либо духоборцевъ, но самыя «увѣщанія», служившія предлогомъ и источникомъ всякихъ стѣсненій, поборовъ, издѣвательствъ, были поставлены въ надлежащія нормы: «сіи увѣщанія, говорилось въ указѣ, не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и наконецъ изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положеніе разговоровъ; а чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобы они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтитъ, что оно объ нихъ нечется и послѣ претерпѣннаго ими раззоренія войти въ ихъ состояніе, что и поручаю вамъ немедленно исполнить, представивъ мнѣ о дѣйствительномъ положеніи ихъ хозяйства, о нуждахъ ихъ, обстроились ли они, имѣютъ ли дома, вступили ли въ хлѣбопашество, имѣютъ ли чѣмъ платить повинности? Все сіе скромностью и благоразуміемъ развѣдавъ, подробно мнѣ донесите, означивъ именно, сколько на построеніе домовъ ихъ, по количеству ихъ и по мѣстнымъ цѣнамъ, денегъ потребно, дабы получивъ свѣдѣніе сіе, могъ я дать о надлежащемъ имъ пособіи повелѣніе» (стр. 61).

Этотъ проникнутый замѣчательною гуманностью указъ былъ началомъ цѣлаго ряда правительственныхъ распоряженій, направленныхъ на улучшеніе положенія духоборцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое второе донесеніе Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ удовлетворялось желаніе духоборцевъ поселиться отдѣльно отъ православнаго населенія. Мѣстомъ поселенія назначалась мѣстность по р. Молочной, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. Переселяться предоставлялось желающимъ; на каждую переселившуюся душу отводилось по 15 десятинъ земли. Переселенцамъ предоставлялись разныя льготы: такъ они освобождались на пять лѣтъ отъ всѣхъ податей; на подъемъ выдавалось каждому семейству по сто рублей, съ тѣмъ, что взысканіе означенной ссуды будетъ производиться только черезъ десять лѣтъ и притомъ уплата будетъ разсрочена на 20 лѣтъ, такъ что каждый годъ каждое семейство будетъ уплачивать только пять руб-

лей. Такія льготы были предоставлены, впрочемъ, только переселенцамъ. Духоборцамъ, пожелавшимъ переселиться на «Молочныя воды» въ послѣдующіе годы, подъемныхъ денегъ уже не выдавалось и имъ предоставлялась только пятилѣтняя и даже только двухлѣтняя льгота отъ податей (61—65).

Указомъ о переселеніи на Молочныя воды воспользовались очень многіе духоборцы. Первыми переселенцами были возвращенные изъ Сибири духоборцы Слободо-украинской и Екатеринославской губерній, 30 семействъ въ количествѣ 296 душъ. Затѣмъ въ 1805 году переселилось 494 души тамбовскихъ и воронежскихъ духоборцевъ. Въ томъ же году были переселены духоборцы, находившіеся въ ссылкѣ въ Азовѣ. Затѣмъ переселенія духоборцевъ на Молочныя воды изъ разныхъ мѣстъ Россіи продолжались въ теченіе почти всего царствованія Александра I, вплоть до 1824 года.

Обнаруживая такую заботливость по отношенію къ духоборцамъ, уже наказаннымъ за ересь и, такимъ образомъ, какъ бы вознаграждая ихъ за понесенныя ими кары въ теченіи предшествующихъ царствованій, правительство оставляло безъ всякихъ преслѣдованій и вновь открывавшихся сектантовъ. Такъ, когда въ 1805 г. нѣсколько крестьянъ Новомосковского уѣзда Екатеринославской губерній заявили себя духоборцами, они не только не подверглись никакому наказанію, но еще получили позволеніе переселиться на «Молочныя воды». Подобные случаи не рѣдко имѣли мѣсто и впослѣдствіи. Нѣсколько ранѣе, въ 1803 году, открылись духоборцы въ Тамбовской губерній, и поэтому поводу былъ изданъ на имя тамбовскаго губернатора указъ, содержащій общія правила, которыхъ должны были держаться губернскія власти и полиція по отношенію къ духоборцамъ. Именно, губернатору предписывалось войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ архіереемъ о томъ, чтобы въ селенія, гдѣ есть духоборцы, опредѣлялись «кроткіе и благонравные» священники и чтобы послѣдніе не вступали «ни въ какіе споры и распри» съ духоборцами. Затѣмъ предписывалось оставлять духоборцевъ въ покоѣ, если они не обнаруживали «явнаго неповиновенія установленной власти», и «по единому смыслу ихъ ереси» не судить и не обвинять ихъ, какъ какихъ-либо преступниковъ; духовенству предписывалось избѣгать по возможности встрѣчи съ духоборцами, не посѣщать, на примѣръ, ихъ домовъ и т. п. Въ случаѣ произведенія духоборцами «явныхъ соблазновъ», они подвергались «сужденію по законамъ на нарушителей общаго благочинія постановленнымъ» (стр. 39—57).

Приведенные указы прекрасно характеризуютъ благоразумную терпимость и гуманность, которыхъ держалось въ отношеніи къ духоборцамъ высшее правительство въ первую половину царствованія Александра I. Въ этомъ отношеніи тогдашнія правительственные распоряженія представляли прямую и полную противоположность мѣрамъ, принимавшимся противъ духоборцевъ въ

предшествующія царствованія. Въ то время, какъ, на примѣръ, указъ 30-го марта 1800 года грозилъ вѣчною каторгою всѣмъ обличеннымъ въ духоборческую ересь, указомъ 1803 г., даннымъ на имя тамбовскаго губернатора Палицина, прямо опредѣлялось, что «по единому смыслу ихъ ереси» духоборцы судимы быть не могутъ и что они могутъ быть преслѣдуемы только въ случаѣ нарушенія *общихъ* законоположеній.

Однако, несмотря на такую радикальную перемену во взглядахъ высшаго правительства на духоборцевъ, ихъ положеніе не особенно улучшилось. Дѣло въ томъ, что агентами, приводившими въ исполненіе благія предначертанія правительства, оставались все тѣ же лица, которыя всего три года тому назадъ рвали поздри духоборцамъ, сѣкли ихъ, ссылали въ Сибирь и т. п. Понятное дѣло, что радикально измѣнить свой образъ дѣйствія по отношенію къ духоборцамъ, какъ того требовало высшее правительство, эти агенты не могли. Г. Новицкій, пользующійся для исторіи этого времени почти исключительно одними указами, да губернаторскими донесеніями, представляетъ дѣло такъ, какъ будто духоборцы пользовались въ это время необыкновеннымъ благополучіемъ. Но въ дѣйствительности положеніе духоборцевъ оставалось такимъ же тяжелымъ, какъ оно было, на примѣръ, при Павлѣ I. Нарисованная г. Новицкимъ картина благополучія духоборцевъ является продуктомъ незнакомства его съ историческими документами, относящимися къ данной эпохѣ. Чтобы не уклоняться далеко отъ поставленной мною цѣли—ознакомленія читателей съ содержаніемъ книги г. Новицкаго, я приведу только одинъ документъ, знакомство съ которымъ значительно измѣнило бы оптимистическіе взгляды нашего автора. Эпизодъ, описываемый въ приводимомъ ниже документѣ, произошелъ какъ разъ въ то время, когда послѣдовалъ упомянутый выше замѣчательно гуманный указъ на имя тамбовскаго губернатора Палицина, и наглядно характеризуетъ ту пропасть, которая лежала между благими намѣреніями правительства и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Вотъ этотъ документъ:

«Утромъ 16-го апрѣля 1803 года, къ квартирѣ тамбовскаго губернатора Палицина подѣхалъ духоборецъ — крестьянинъ Зоть Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часового солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома, отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ:—я привезъ гостинецъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотреть, что тамъ за гостинецъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ, а возъ оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое синебагровыми пятнами и рубцами... То

было тѣло красnodубровскаго (Тамбовскаго уѣзда) духоборца Петра Дробышова, засѣченнаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ:

«13-го апрѣля, крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ родного брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей, мужчинъ и женщинъ. Братъ мой едва стоялъ на ногахъ и его держали подъ руки. Брата уложилъ я на полати, а Ермаковъ объявилъ мнѣ: «Твой Сергѣй боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села 5-ю человѣками духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ». На другой день пошелъ я провождать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ. Около его тѣла сидѣлъ маленькій сынъ его, а какъ звать—не помню, и плакалъ... Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты»...

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Всему семейству, писалъ онъ:—за небытностью моею въ домѣ причинено было крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе».

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружилось слѣдующее:

Фонъ-Меникъ наказывалъ красnodубровцевъ нещадно. Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, заковывалъ красnodубровцевъ въ ножныя колодки и производилъ съ нихъ большіе поборы, такъ что однихъ кушаковъ набралъ на 30 руб. Но, не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей денегъ. «А если не дадите мнѣ 100 рублей, говорилъ фонъ-Меникъ духоборцамъ села Красно-Дуброва, буду бить васъ кнутомъ и сошлю въ ссылку».

Красnodубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику 100 рублей. Тогда грозный засѣдатель тамбовскаго нижняго земскаго суда дѣйствительно началъ нещадно сѣчь ихъ. Сѣкъ онъ ихъ за то, что они духоборцы. Сѣченіе производилось въ три плети и было настолько жестоко, что кромѣ Петра Дробышова умеръ отъ него еще отецъ его, Филиппъ Дробышовъ. Послѣдній умеръ на пятый день послѣ экзекуціи.

Къ слѣдствію вызванъ былъ и врачъ, по фамиліи Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы наказанныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Это заключеніе было выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Наказаніе красnodубровскимъ духоборцамъ было дано соразмѣрное и умерли духоборцы, вѣроятно, отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ».

Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій тамбовской земской полиціи было то, что красnodубровскіе духоборцы совершенно ожесточились. «Вашего пѣнія и чтенія, говорили они чинамъ полиціи:—мы ни за что слушать не будемъ».

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ красnodубровскихъ духоборцевъ еще высѣли плетью, а Зота Мукосѣева сослали на поселеніе въ Кольскій уѣздъ¹.

Разсказанная исторія была далеко не единственною въ описываемую эпоху. Несмотря на то, что большая часть документовъ, касающихся исторіи духоборцевъ, тлѣетъ пока въ шкафахъ и погребахъ провинціальныхъ архивовъ, уже на основаніи опубликованныхъ матеріаловъ можно было бы привести нѣсколько такихъ же фактовъ, какъ и только-что приведенные.

Вообще, въ теченіи всего царствованія Александра I идутъ постоянныя слѣдствія, суды и ссылки духоборцевъ.

Такъ, въ 1802 году были сосланы на поселеніе въ Колу, Архангельской губерніи, духоборцы села Михайловскаго, Ставропольскаго уѣзда, принадлежавшаго тогда къ Астраханской губерніи, за то, что они «съ шумомъ выступили на торжище и открыто начали разсѣвать свое ученіе» (стр. 111). Въ 1806 г. были сосланы въ Соловецкій монастырь четверо духоборцевъ, изъ которыхъ трое пострадали за то, что «неоднократно повторяли, что бесѣдуютъ съ Богомъ и что рады потерцѣть всѣ истязанія, лишь бы удостоиться мученическаго вѣнца и внийти въ царство небесное», а четвертый, «жившій прежде мирно и покойно и желавшій переселиться на «Молочныя воды», за то, что «вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе переселиться, потому что для него теперь вездѣ молочныя воды, и увлекся примѣромъ фанатиковъ, мнимо бесѣдующихъ съ Богомъ» (стр. 112—113). Въ 1807 г., въ Сибири духоборцы «произвели возмутительныя дѣйствія явнымъ разглашеніемъ своихъ толковъ», т. е. по просту, открыто исповѣдали свое ученіе; и вотъ это вызвало слѣдующій указъ сибирскому генераль-губернатору: «Духоборцевъ, причислившихся въ явномъ соблазнѣ, нарушающемъ общій порядокъ и спокойствіе, годныхъ отдать въ военную службу, причисляя ихъ въ гарнизонныя полки, въ сибирскихъ губерніяхъ расположенные, а негодныхъ разослать въ работу, тѣхъ, кои не выше сорока лѣтъ, въ нерчинскіе заводы, а которые старѣе—въ казенный селенгинскій соляной заводъ» (стр. 113). Въ 1811 г., двое рядовыхъ, Поповъ и Боровковъ, за отпаденіе отъ православной вѣры въ духоборство были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь въ нерчинскіе заводы (стр. 75 и 77). Въ 1816 г. были наказаны плетью и сосланы въ Сибирь крестьяне села Михайловки, Мелитопольскаго уѣзда—пять мужчинъ и три женщины; одна изъ женщинъ была беременна и потому ей наказаніе было отложено до разрѣшенія отъ бремени (стр. 75). И т. д., и т. д.

Особенно плохо приходилось тѣмъ духоборцамъ, которые попадали въ военную службу. Такъ въ первую турецкую войну духоборцы, находившіеся въ Вологодскомъ полку подъ Переко-

¹ Дѣло объ этомъ хранится въ архивѣ тамбовскаго губернскаго правленія. «Историч. Вѣстникъ», 1880 г., № 2. Дубасова.

помѣ, побросали оружіе во время сраженія ¹. Въ 1807 г. два казака изъ духоборцевъ, отказавшіеся повиноваться своимъ военнымъ властямъ, были приговорены къ смертной казни; приговоръ былъ смягченъ Константиномъ Павловичемъ и замѣненъ ссылкой въ цѣлихъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1809 г. рядовые кievскаго гарнизоннаго полка отказались, какъ духоборцы, принять амуницію и провіантъ, и отправлять военную службу; ихъ было опредѣлено, послѣ увѣщанія, сослать въ нерчинскіе заводы на каторгу. Въ 1817 г. крестьянинъ Семенъ Матросовъ, сданный помѣщикомъ въ рекруты, отказался отъ присяги и не захотѣлъ поступать въ военную службу. Подобные случаи неоднократно бывали и впослѣдствіи. Въ концѣ концовъ, однако, правительство принуждено было допустить смягченія. Такъ въ 1817 г., по поводу отказа отъ присяги упомянутаго Матросова, комитетомъ министровъ было постановлено: «духоборцевъ принимать въ службу безъ принужденія къ присягѣ», что было подтверждено также государственнымъ совѣтомъ въ 1820 г. (стр. 117 — 118). А въ настоящее время рекрутъ изъ духоборцовъ, а также и изъ молоканъ, распределяютъ въ санитарныя части арміи, въ госпитали, въ обозъ и тому под. ².

Кромѣ ссылокъ, плетей и другихъ наказаній, опредѣляемыхъ духоборцамъ по суду, они не мало натерпѣлись отъ полиціи, духовенства и массы православнаго населенія. Съ духоборцевъ брали рекрутъ не въ очередь; издѣвательства сыпались на нихъ отовсюду; взятки съ нихъ бралъ всякъ, кто хотѣлъ, и т. д. Подаваемые духоборцами жалобы на эти притѣсненія оставались безъ послѣдствій; а если духоборцы доводили свои жалобы до государя, то нерѣдко эти жалобы оказывались въ рукахъ ловкихъ слѣдователей совершенно безпричинными, никакихъ притѣсненій духоборцамъ не оказывалось и сами они являлись просто безпокойными людьми, неосновательно утруждающими начальство своими прошеніями (стр. 66 и 115).

Эти постоянныя притѣсненія дѣлали положительно невыносимою жизнь духоборцевъ на мѣстѣ ихъ родины и заставляли ихъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Такъ, значительное число духоборцевъ устремилось на Молочныя воды, гдѣ жизнь духоборцевъ была обставлена сравнительно лучшими условіями. Другіе стремились уйти въ пограничныя мѣстности Россіи и тамъ образовать новыя духоборческія поселенія. Такъ, были случаи добровольнаго переселенія духоборцевъ на Кавказъ, нѣкоторое количество духоборцевъ выселилось въ Сибирь, хотя не совсѣмъ добровольно. Наконецъ, однажды духоборцы сдѣлали попытку заселить своими единовѣрцами устья Дуная. Именно въ 1811 г. два повѣренныхъ отъ духоборцевъ Рязанской, Там-

бовской, Воронежской, Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерній, всего отъ 4,000 душъ мужескаго пола, подавали на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ они, «тѣснимые отовсюду и разными образами», выражали желаніе «воздвориться въ краю, новозавоеванномъ отъ Оттоманской Порты», т. е. съ правой стороны Дуная, внизъ по теченію къ г. Тульчѣ, на рѣкѣ Дунаевцѣ, или съ лѣвой стороны, между городами Измаиломъ и Килиею. Однако, это ходатайство духоборцевъ не было удовлетворено, подѣ предложомъ «обстоятельствъ настоящаго времени», именно французской войны (стр. 68—69).

На Молочныхъ водахъ духоборцамъ жилось сравнительно не дурно, и потому сюда постоянно стремились толпы духоборцевъ. Кромѣ упомянутыхъ выше партій переселенцевъ, на Молочныя воды разновременно выселились духоборцы изъ губерній Тамбовской, Кавказской, Таврической и Архангельской, Финляндіи и нѣкоторые изъ Сибири. Сначала поощряемое правительствомъ, выселеніе духоборцевъ на Молочныя воды впослѣдствіи стало встрѣчать всякія препятствія. Такъ въ 1817 г. было остановлено выселеніе духоборцевъ Пензенской губерніи, въ томъ же году воспрещено переселеніе нѣсколькимъ духоборцамъ Архангельской губерніи, вообще такіе случаи были довольно часты. Многіе духоборцы не могли переселиться потому, что были крѣпостными. Наконецъ, въ 1822 и 1824 гг. были переселены вновь открытые духоборцы Войска Донскаго и этимъ было закончено собираніе духоборцевъ на Молочныхъ водахъ (стр. 69—80).

Поселенные на Молочныхъ водахъ духоборцы образовали девять деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Молочной и при ея лиманѣ. Центромъ поселенія служила деревня *Терпѣніе*, въ которой находились «духоборческое волостное управленіе и общественный, такъ называемый, сиротскій домъ», деревянное большое зданіе съ рощею фруктовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ, съ прекраснымъ ключевымъ протокомъ и двумя фонтанами. Домъ этотъ духоборцы называли между собой *Сіономъ*. Въ сиротскомъ домѣ содержалось для пропитанія нѣсколько мужчинъ и женщинъ; кромѣ того, тутъ же помѣщали обыкновенно дѣвицъ, которыя, затвердивъ псалмы, дѣлались потомъ церковными пѣвицами» (стр. 83—84). Хозяйство молочныхъ духоборцевъ было въ очень цвѣтущемъ состояніи, благодаря обилію земли, общинному веденію хозяйства и воспримчивости духоборцевъ къ сельско-хозяйственнымъ усовершенствованіямъ. Общее количество земли, отведенное въ пользованіе молочанскимъ духоборцамъ, равнялось 49,235 дес., изъ которыхъ болѣе 45,000 дес. было удобной; на каждую душу мужескаго пола приходилось гораздо болѣе 15 дес., нормы, установленной для казенныхъ крестьянъ той мѣстности, нормы, установленной для казенныхъ крестьянъ той мѣстности (стр. 79—80). Землю эту духоборцы «обдѣлывали сообща, а жатву дѣлили поровну. Устроены были и запасные магазины хлѣба на случай голода. Съ успѣхомъ введены также многія отрасли промышленности, между прочимъ, производство поясовъ

¹ Чтенія въ Имп. Об. Ист. и Др., 1864 г., кн. 4-я. Ст. И. В. Допухина, стр. 48.

² «Русскій Міръ», 1876 г., 5-го ноября. «Раскольники въ русской арміи».

и красивыхъ шерстяныхъ шапокъ» (стр. 84) ¹. Духоборцы «охотно перенимали отъ своихъ сосѣдей менонитовъ-колонистовъ всѣ полезныя, перенесенныя изъ Германіи улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда какъ другіе русскіе оставались совершенно равнодушны къ тому. Многіе дома у нихъ построены были на вѣнецкій образецъ. Многіе мужчины переняли отъ колонистовъ даже одежду, тогда какъ православные носили прежній дырявый зипунъ и лапти» (стр. 85).

«Относительно нравственной стороны въ жизни духоборцевъ еще въ 1792 г. екатеринославскій губернаторъ Каховскій, въ своемъ донесеніи генераль-прокурору Вяземскому объ екатеринославскихъ духоборцахъ, перешедшихъ послѣ на Молочныя воды, отзывался, что они ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, неусыпно пекутся о своемъ домостроительствѣ и благонравны. Государственные подати и другія общественныя повинности несутъ исправно. Лѣность и пьянство нетерпимы у нихъ до того, что зараженныхъ этими пороками исключаютъ изъ своего общества. Въ 1807 г. мѣстное начальство также отзывалось о мелитопольскихъ духоборцахъ, что всѣ они вообще дѣятельны, неутомимы въ работахъ и усердны къ сельскому хозяйству: какъ трезвые и зажиточные, оказываются

¹ Въ этомъ мѣстѣ г. Новицкій приводитъ нѣсколько сказокъ о Капустинѣ, главѣ и организаторѣ молочанскихъ духоборцевъ. Нелѣпость этихъ сказокъ очевидна сама собою. Все, что имѣли духоборцы, составляло общее достояніе и всѣмъ распоряжался Капустинъ. Впослѣдствіи Капустинъ будто бы «продалъ общественный скотъ, оставивъ общинѣ только часть его, и изъ прочаго достоянія часть раздѣлилъ между всѣми духоборцами, а важнѣйшую удержалъ у себя, и такимъ образомъ оставилъ своему роду богатое достояніе». Вслѣдъ за этими словами г. Новицкій приводитъ извѣстіе, которое стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ сказаннымъ, и потому заставляетъ видѣть въ цитированномъ мѣстѣ просто вымыселъ. Именно г. Новицкій говоритъ: «Дѣлежъ былъ самовольный; нѣкоторые считали у себя до 1,000 штукъ скота, а получили только сотню.» Но если все было общимъ достояніемъ, если хозяйство было общинное, то какъ же «нѣкоторые могли насчитывать у себя до 1,000 штукъ скота»?

Приведенная сказка о Капустинѣ заимствована г. Новицкимъ изъ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Кіевской Дух. Акад.», о которыхъ я уже говорилъ выше. Статья эта, по всѣмъ основаніямъ, какъ и г. Новицкій полагаетъ, написана священникомъ села Новоалександровки, сосѣдняго съ духоборческими деревнями. Любопытно, что г. Новицкій самъ приводитъ примѣръ крайней недобросовѣстности автора помянутой статьи. Именно, рассказъ о внѣшнемъ образѣ жизни духоборцевъ, онъ замѣчаетъ: «Въ цитированной выше «Запискѣ о духоборцахъ» («Тр. К. Д. Ак.», 1876 г., августъ) не-извѣстный авторъ тоже приводитъ дословно это описаніе, но отъ своего имени и, судя по подписи, какъ будто составленное имъ въ 1841 г., между тѣмъ, какъ вся его статья (№ V, стр. 395—6) дословно списана изъ официального акта 1807 г.». Г. Новицкій выразился не совсѣмъ ясно: списана не вся статья, а только тотъ отдѣлъ ея (стр. 395—393), который трактуетъ о внѣшнемъ образѣ жизни духоборцевъ. Но отъ этой неточности г. Новицкаго дѣло не

всегда самыми исправными плательщиками податей и повинностей. Въ обхожденіи съ начальствующими лицами переселенцы покорны и развязны въ сравненіи съ другими русскими; а съ физической стороны, мужчины, болѣею частью, рослы, женщины — красивы. Дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ, по высочайшему повелѣнію обозрѣвая въ 1808 г. нѣкоторыя изъ южныхъ губерній, посѣтилъ и духоборцевъ на Молочныхъ водахъ. Онъ нашелъ, что переселенцы хорошо водворились на мѣстѣ и обзавелись скотоводствомъ, что они трезвой и трудолюбивой жизни, и въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ писалъ, что вмѣсто какихъ-либо жалобъ они единственно выражаютъ правительству свою признательность за то спокойствіе, какимъ здѣсь наслаждаются» (стр. 86—87).

Казалось бы, что засвидѣтельствованныя столькими официальными лицами трудолюбіе духоборцевъ, ихъ трезвость, нравственность, исправность въ платежѣ податей, покорность и признательность правительству должны были вызвать по отношенію къ духоборцамъ лишь покровительство правительства, а не притѣсненія и преслѣдованія. Правда, высшее правительство, въ лицѣ императора Александра I и министра внутреннихъ дѣлъ, покровительствовало молочанскимъ духоборцамъ вплоть до конца второго десятилѣтія настоящаго столѣтія и еще въ 1818 г. императоръ, остановившись, во время своего путешествія въ Крымъ, въ одномъ изъ духоборческихъ селеній и будучи пораженъ дѣйствующимъ состояніемъ занятого духоборцами края, оказалъ имъ знаки своего покровительства: приказалъ немедленно возвратитъ на родину всѣхъ сосланныхъ духоборцевъ, за которыхъ просили ихъ единовѣрцы (стр. 75). Но даже личное покровительство духоборцамъ Александра I не могло измѣнить отношенія къ нимъ второстепенныхъ и низшихъ членовъ администраціи и духовенства, которые частію изъ корыстныхъ видовъ, частію по неразумію, всячески тѣснили мирныхъ и трудолюбивыхъ сектантовъ. Предлогомъ для возбужденія преслѣдованій служило то обстоятельство, что духоборцы «сворачиваютъ православныхъ въ свою секту». «Сворачивали» ли духоборцы православныхъ или послѣдніе сами сворачивались, увлеченные примѣромъ нравственной жизни духоборцевъ и широкимъ развитіемъ общинности въ духоборческихъ селахъ — остается неизвѣстнымъ. Вѣрнѣе сдѣлать второе предположеніе, такъ какъ вообще извѣстно, что масса прозелитовъ новаго вѣроученія всегда принимаетъ его помимо всякой пропаганды, путемъ исключительно житейско-нравственного вліянія приверженцевъ новаго ученія. Къ тому же, произведенными слѣдствіями, какъ мы увидимъ ниже, никакой пропаганды духоборчества открыто не было. Какъ бы то ни было, администрація и духовенство, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что духоборство дѣйствительно распространялось въ сосѣднихъ съ Молочными водами мѣстностяхъ среди православныхъ, безнаказанно совершали самыя возмутительныя насилія надъ духо-

борцами. При этомъ эти, яко бы ревнители православія не церемонились относительно средствъ и прибѣгали къ помощи лицъ, изгнанныхъ изъ духовоборческихъ обществъ за воровство, пьянство, распутство и т. п., какъ это, впрочемъ, дѣлаютъ и теперь по отношенію къ новымъ сектантамъ, напр., шалапутамъ. На основаніи показаній этихъ-то завѣдомо безнравственныхъ лицъ, дѣлались набѣги на духовоборческія поселенія, хватили и арестовывали первыхъ встрѣчныхъ и держали ихъ по годамъ въ тюрьмахъ. Чтобы не показаться голословнымъ, я расскажу подробно одну изъ такихъ печальныхъ исторій, тѣмъ болѣе, что она находится въ тѣсной связи съ дальнѣйшей исторіей молочанскихъ духовоборцевъ.

Нѣкто Ефимъ Макѣевъ былъ исключенъ изъ духовоборческаго общества за распутство и пожелалъ отомстить своимъ бывшимъ единовѣрцамъ. По его доносу, обвинявшему духовоборцевъ въ различныхъ преступленіяхъ и не подтвержденному никакими фактическими доказательствами, мѣстная администрація арестовала 16 духовоборцевъ. Несчастные были продержаны въ тюрьмѣ три года и затѣмъ выпущены на свободу, такъ какъ никакихъ уликъ противъ нихъ не было найдено. Между тѣмъ, въ это время духовоборцы удалили изъ своей среды еще двухъ негодныхъ членовъ, Баева и Базилевскаго, перваго за утайку ста мѣръ хлѣба, взятаго на сохраненіе у одного поселанина, а втораго просто за воровство. Эти отщепенцы духовоборческаго общества были приняты въ лоно православной церкви и, какъ сказано въ одномъ офиціальномъ документѣ, «сдѣлались злѣйшими врагами своихъ прежнихъ односельчанъ». Съ ними-то сошолся Макѣевъ и подстрекалъ ихъ подать доносъ на духовоборцевъ о томъ, что они совращаютъ православныхъ въ свою секту, ведутъ развратный образъ жизни, принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ и т. п. Доносъ былъ поданъ. Между тѣмъ въ это время возникло дѣло о самомъ Макѣевѣ и онъ оказался бѣглымъ изъ Сибири; его арестовали и снова сослали въ Сибирь. Тѣмъ не менѣе доносы Макѣева и его товарищей, Баева и Базилевскаго, были приняты во вниманіе и согласно съ ними были арестованы духовоборческіе учителя Кирилль Колесниковъ, Голубовъ и Черновъ, изъ которыхъ двое послѣднихъ были продержаны въ тюрьмѣ по году, а первый — два года, послѣ чего всѣ трое, какъ невинные, были освобождены. На этомъ, однако, дѣло не остановилось, и вслѣдъ за тѣмъ, 11 февраля 1816 года, на духовоборческія поселенія нагрянули засѣдатель мелитопольскаго нижняго земскаго суда Ковтуновскій и священникъ о. Налимскій. Имъ была отведена квартира въ домѣ одного духовборца. Здѣсь они подгуляли, и о. Налимскій совершалъ разныя непристойности и наконецъ полѣзъ въ драку. Это нашествіе засѣдателя и священника кончилось тѣмъ, что о поведеніи о. Налимскаго было произведено слѣдствіе и онъ былъ наказанъ четырехмѣсячнымъ содержаніемъ въ монастырѣ. Затѣмъ засѣдатель Ковтуновскій снова

явился въ сел. Терпѣніе, арестовалъ 73-лѣтняго старика, Савелія Капустина, наиболѣе видную личность среди тогдашнихъ духовоборцевъ, игравшаго роль организатора молочанскихъ духовоборцевъ, и представилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ въ уѣздный судъ. Здѣсь Колесникова подвергли допросу, причемъ вынуждали у него признаніе въ распространіи духовоборческой секты. Капустинъ просилъ указать, кого именно онъ совратилъ въ духовоборчество. Уѣздный судъ объявилъ ему, что о томъ показали крестьянинъ Поваляевъ съ женою и дѣтьми. Это была наглая ложь, такъ какъ Поваляевъ и его семейство никогда не дѣлали такихъ показаній, какія имъ приписывались уѣзднымъ судомъ. Капустинъ стоялъ на своемъ и отвергалъ обвиненіе въ совращеніи кого бы то ни было. Тогда его заковали въ кандалы и отправили въ тюрьму, а на другой день снова потянули на допросъ. 73-лѣтній старикъ, Капустинъ, былъ къ тому же тяжело боленъ и потому неоднократно падалъ въ обморокъ по дорогѣ изъ тюрьмы въ судъ и обратно. Несмотря, однако, на болѣзненное состояніе Капустина, онъ былъ заключенъ въ тюрьму и брошенъ безъ всякаго присмотра. Здѣсь за нимъ ухаживали арестанты, оказавшіеся болѣе человѣчными, чѣмъ представители тогдашней юстиціи. Случившійся въ это время въ г. Орѣховѣ (гдѣ все это происходило) духовоборецъ Перепелкинъ просилъ у городничаго позволенія оказать Капустину медицинскую помощь. Городничій позволилъ. Тогда Капустинъ былъ перенесенъ въ безчувственномъ состояніи въ полицію, гдѣ его осмотрѣлъ докторъ и нашелъ близкимъ къ смерти. Несмотря на то, что докторъ считалъ необходимымъ перенести Капустина въ какое-нибудь теплое мѣсто и тамъ лечить, несчастнаго старика снова отправили въ тюрьму. Въ это время херсонскій военный губернаторъ Ланжеронъ, объѣзжая ввѣренныя ему губерніи, прибылъ, между прочимъ, и въ Мелитопольскій уѣздъ. Мѣстные власти немедленно донесли ему, что духовоборцы совращаютъ въ свою секту «своихъ сосѣдей, російской породы поселанъ», и что корень всему злу арестованный «капралъ гвардіи» Капустинъ. Между тѣмъ и духовоборцы, узнавъ о прибытіи Ланжерона, отправили къ нему повѣренныхъ просить о защитѣ отъ притѣвленій администраціи и суда. Настроенный мѣстными властями враждебно по отношенію къ духовборцамъ, Ланжеронъ встрѣтилъ ихъ повѣренныхъ слѣдующей тирадой: «Вы не знаете Бога и Императора; еслибъ я былъ императоромъ, то побилъ бы всѣхъ изъ пущекъ и ружей!» Вслѣдъ затѣмъ Ланжеронъ, прибывши въ Орѣховъ, подвергъ допросу Капустина и снова отправилъ его въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ланжеронъ стелъ себя настолько изучившимъ положеніе дѣлъ, что немедленно же послалъ министру полиціи донесеніе, въ которомъ указывалъ на опасности, будто бы угрожающія отъ духовоборцевъ православному населенію Мелитопольскаго уѣзда, и предлагалъ переселить всѣхъ духовоборцевъ въ сосѣдство съ татарами или другого какого-либо

исповѣданія колонистами, только бы не русскаго происхожденія. Въ тоже время духоборцы, не рассчитывая болѣе на справедливость мѣстныхъ властей и возлагая всѣ надежды единственно на императора, подали на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ они рассказали всѣ приведенныя выше обрушившіяся на нихъ притѣсненія и гоненія (стр. 87—90).

Такимъ образомъ, высшее правительство получило одновременно два прямо противорѣчащіе другъ другу документа. Однако, духоборцы не даромъ возлагали надежды на императора: онъ понялъ, на чьей сторонѣ была правда и 10 октября 1816 г. предписалъ чрезъ комитетъ министровъ потребовать отъ Ланжерона объясненія по поводу жалобы духоборцевъ и приказать ему, чтобы духоборцы не были изнуряемы подъ стражею, а напротивъ была бы имъ оказываема законная защита. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ рескриптъ на имя херсонскаго военнаго губернатора, въ которомъ съ одной стороны высказывалось полное недовѣріе къ его донесеніямъ о развратной жизни духоборцевъ, объ ихъ зловредныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣвать оныя между другими, а съ другой прямо высказывалась та мысль, что «просвѣщенному правительству христіанскому не приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ»; затѣмъ предписывалось, чтобы военный губернаторъ, «не полагаясь ни на чьи донесенія», самъ узналъ образъ жизни и поведеніе духоборцевъ, «взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользы правительства въ благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей». «Надобно, говорилось далѣе въ рескриптѣ:—чтобы они, духоборцы, могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ; и тогда только надежныѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его»... Наконецъ, рекомендовалось поменьше довѣрять доносамъ, которые могутъ быть подаваемы по злобѣ или мщенію, особенно со стороны обратившихся въ православіе, и за проступки отдѣльныхъ членовъ духоборческаго общества не подвергать преслѣдованію все общество (стр. 91—95).

Вмѣстѣ съ тѣмъ таврической гражданскій губернаторъ Лавинскій получилъ предписаніе отъ комитета министровъ произвести дознаніе относительно обстоятельствъ, изложенныхъ въ просьбѣ духоборцевъ и донесеніяхъ херсонскаго военнаго губернатора. Лавинскій сперва самъ отправился на Молочныя воды, а затѣмъ командировалъ туда надежнаго чиновника. Къ какимъ результатамъ привели Лавинскаго его личныя наблюденія, остается неизвѣстнымъ; но, по всей вѣроятности, духоборцы произвели на него благоприятное впечатлѣніе, такъ какъ онъ впослѣдствіи ходатайствовалъ за нихъ. Все же, разслѣдованное командированнымъ чиновникомъ, говорило въ пользу духоборцевъ. Чиновникъ бралъ съ собою доносчиковъ Баева и Базилевскаго, обвинявшихъ

духоборцевъ въ развратной жизни, въ держаніи бѣглыхъ и т. п. Они переодѣтые ходили по селеніямъ и по домамъ, но никакихъ бѣглыхъ не нашли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, произведеннымъ слѣдствіемъ было обнаружено, что они сдѣлали доносъ по злобѣ, будучи исключены изъ духоборческаго общества за предосудительныя поступки. Относительно же нравственности духоборцевъ губернаторскій чиновникъ убѣдился и доносилъ, что они трудолюбивы, добропорядочной жизни и не терпятъ въ своей средѣ порочныхъ членовъ. Требовавъ чиновникъ къ допросу и Капустина, незадолго передъ тѣмъ отпущеннаго на поруки; но Капустинъ оказался уже умершимъ. Не довѣряя, однако, заявленію духоборцевъ о смерти Капустина, чиновникъ велѣлъ откопать гробъ и въ присутствіи Баева и Базилевскаго, изъ которыхъ послѣдній хорошо зналъ Капустина, освидѣтельствовалъ трупъ, но не открылъ ничего, могшаго подкрѣпить возникшее у него подозрѣніе о томъ, что погребенный былъ не Капустинъ, а кто-либо другой. Въ результатѣ этого разслѣдованія было донесеніе губернатора Лавинскаго министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ полагалъ необходимымъ оставить духоборцевъ на прежнемъ мѣстѣ (95—96).

Херсонскаго военнаго губернатора Ланжерона, однако, не удовлетворило разслѣдованіе, произведенное Лавинскимъ. Возненавидѣвъ духоборцевъ за тѣ непріятныя объясненія, которыя были отъ него потребованы по поводу ихъ прошенія, онъ всячески старался очернить ихъ въ глазахъ высшаго правительства и тѣмъ возстановить свою собственную репутацію. Въ этихъ видахъ онъ предписалъ таврическому губернатору снова произвести слѣдствіе надъ духоборцами чрезъ «расторопнаго» чиновника. Такимъ оказался бахчисарайскій полицмейстеръ Ананичъ, начавшій разслѣдованіе приглашеніемъ къ себѣ въ помощники все тѣхъ же Баева и Базилевскаго. Въ это время по мелитопольскому уѣзду разъѣзжали квартирмистры одного гусарскаго полка для занятія квартиръ; Ананичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, нарядилъ Базилевскаго въ военное платье и поручилъ ему ходить подъ видомъ квартирмистра по домамъ духоборцевъ и хватать «сомнительныхъ людей». Базилевскій проѣхалъ всѣ духоборческія селенія, но ни «сомнительныхъ», ни «подозрительныхъ» людей не нашелъ; тѣмъ не менѣе, онъ, при помощи засѣдателя нижняго земскаго суда, арестовалъ ни съ того ни съ сего 40 человекъ духоборцевъ, которые, по доставленіи въ Орѣховъ, оказались мирными обывателями, ничѣмъ не заслужившими того безцеремоннаго ареста, которому они подверглись. Вслѣдъ за тѣмъ Ананичъ началъ изслѣдовать дѣло о смерти Капустина. Снова былъ вырытъ его гробъ и снова подвергли освидѣтельствованію его трупъ. При этомъ оказалось чудомъ: трупъ, который при первомъ освидѣтельствованіи, въ присутствіи Базилевскаго, оказался Капустинымъ, теперь сдѣлался совершенно непохожимъ на Капустина, что засвидѣтельствовали

тотъ же Базилевскій, упоминавшійся выше засѣдатель Ковтуновскій и какой-то поселянинъ Остриновъ. Очевидно, это былъ ловкій фокусъ¹, тѣмъ болѣе удобный, что высшія правительственныя лица, не зная Капустина въ лицо, не могли знать, насколько правды въ утвержденіяхъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ трупъ Капустина. Тѣмъ не менѣе, фокусъ этотъ очевидно не удался, такъ какъ таврическій гражданскій губернаторъ, по поводу донесенія Ананича, лично отправлявшійся на Молочныя воды и производившій разслѣдованія на мѣстѣ, въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ не упоминаетъ о подмѣнѣ трупа. Въ этомъ донесеніи таврическій губернаторъ отозвался о духоборцахъ самымъ лестнымъ образомъ: духоборцы, по его словамъ, кротки и воздержны; пьянство у нихъ строго преслѣдуется; воровство и другіе пороки совершенно неизвѣстны на Молочныхъ водахъ; въ судахъ о духоборцахъ не производится никакихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ по обвиненію въ отступленіи отъ православія. Духоборцы «весьма трудолюбивы, занимаются обширнымъ земледѣліемъ и имѣютъ большое скотоводство, выдѣлываютъ сукно, ткуютъ холстъ, дѣлаютъ кушаки и другія нужныя для собственнаго употребленія вещи. Есть также у нихъ громадныя и хорошаго качества конскіе заводы». Никакихъ дезертировъ и бѣглыхъ людей на Молочныхъ водахъ не оказалось, и доносчики, обвинявшіе духоборцевъ въ укрывательствѣ, сами оказались людьми, исключенными изъ духоборческаго общества за безнравственность, и злѣйшими врагами духоборцевъ. Отрицалъ таврическій губернаторъ и со-
 вращеніе духоборцами православныхъ; такъ онъ указывалъ на слѣдующіе два факта: въ духоборческихъ селеніяхъ ежегодно находилось до 60 православныхъ рабочихъ, и никто изъ нихъ не былъ совращенъ; среди духоборческихъ слободъ лежитъ селеніе Новоалександровское, населенное православными, которые постоянно сталкиваются съ духоборцами, и однако никто изъ нихъ не перешелъ въ духоборчество (стр. 96—99).

Такимъ образомъ въ результатѣ нѣсколькихъ слѣдствій и разслѣдованій оказалось, что духоборцы страдали совершенно невинно, что мѣстныя власти дѣйствовали по отношенію къ нимъ противозаконно и что донесенія херсонскаго военнаго

¹ Г. Новицкій серьезно полагаетъ, что Капустинъ былъ еще живъ во время разсказываемыхъ событій, а за его трупъ выдавался духоборцами трупъ другого лица. Но такъ какъ это мнѣніе основано исключительно на показаніяхъ засѣдателя Ковтуновскаго, враждебность котораго къ духоборцамъ и крайняя недобросовѣстность ярко бросаются въ глаза, Базилевскаго, пропащей, изогнавшейся личности, въ присутствіи котораго разъ уже былъ освидѣтельствованъ трупъ и признанъ за тѣло Капустина, и совершенно неизвѣстнаго Остринова, то, я полагаю, гораздо основательнѣе будетъ видѣть во всей этой исторіи съ трупомъ безцеремонную передержку. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Капустину не было причины бояться чего-либо особеннаго и скрываться, такъ какъ на дѣло духоборцевъ было въ это время обращено особенное и притомъ благосклонное вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ.

губернатора Ланжерона были совершенно ложны. Но послѣдній однако не унялся и вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ новымъ представленіемъ, въ которомъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «секту духоборческую я считаю самою опасною для христіанской религіи и вообще для нравственности, такъ какъ послѣдователи ея не раскольники, придерживающіеся христіанскихъ правилъ, но люди, не имѣющіе никакой религіи, не имѣющіе ни церкви, ни священниковъ и не приѣмлющіе таинствъ. И потому, какъ я прежде доносилъ, такъ и нынѣ остаюсь при своемъ мнѣніи, что ихъ слѣдуетъ переселить на другое мѣсто, гдѣ живутъ не христіане; нынѣ же вблизи ихъ находятся казенныя и помѣщичьи деревни, жители которыхъ легко могутъ быть уловлены въ духоборческую ересь, тѣмъ болѣе, что духоборцы всегда стремятся къ ея распространенію». Это представленіе очень характерно: на основаніи только предположенія о возможности совращенія православныхъ крестьянъ въ духоборчество, Ланжеронъ требовалъ изгнанія нѣсколькихъ тысячъ мирнаго и трудолюбиваго населенія изъ ихъ цвѣтушихъ деревень и съ обработанныхъ ими полей и выселенія ихъ въ какую-нибудь далекую окраину, «гдѣ нѣтъ христіанъ».

Для подкрѣпленія доводовъ своего представленія, Ланжеронъ присоединилъ къ нему копію съ отношенія екатеринославскаго архіепископа Іова. Послѣдній документъ еще болѣе характеренъ, чѣмъ представленіе самого Ланжерона. Архіепископъ Іовъ какъ будто совсѣмъ не зналъ, что высочайшими указами духоборцамъ предоставлено право свободнаго вѣроисповѣданія, что «по единому смыслу ихъ ереси» ихъ запрещалось судить и притѣснять; онъ прямо шлетъ херсонскому военному губернатору такого рода требованія: «прошу—лжеучителя Капустина и ближайшихъ къ нему приверженцевъ сослать въ отдаленныя мѣста; для пресѣченія же столь богопротивной и вредной ереси нужнымъ поставлю присовокупить и то, чтобы 1) всѣхъ, объявляющихъ себя духоборцами, никуда отъ настоящихъ ихъ жилищъ не отпускать и дачу имъ для проѣзда паспортовъ прекратить; 2) наниматься у нихъ въ работы и въ услуженіе подъ какимъ бы то ни было предлогомъ никому изъ содержащихъ законъ грекороссійскаго исповѣданія людямъ не допускать; 3) всѣхъ тѣхъ, кои, бывъ сынами православныхъ грекороссійскихъ церкви, вступятъ въ число духоборцевъ, и въ томъ или сами признаются, или изобличены будутъ, предавать строгому по закону сужденію, и 4) поелику духоборцы сіи всегда ищутъ случая заводить на счетъ христіанской религіи споры, то со всѣми таковыми, яко нарушителями спокойствія, поступать по всей строгости законовъ въ примѣръ ихъ собратій» (стр. 100—101).

Однако всѣ старанія Ланжерона и архіепископа Іова остались втунѣ: постановленіемъ комитета министровъ херсонскому военному губернатору предписано держаться правилъ, указанныхъ

въ гуманномъ указѣ 9-го декабря 1816 года, а всѣ его представленія оставались безъ удовлетворенія (стр. 101—102). Такъ кончилось это длинное дѣло, начавшееся изъ-за доноса изгнаннаго изъ духоборческаго общества распутника.

Я нарочно остановился долго на описанной исторіи, чтобы лучше выяснитъ безправное и невыносимо-тяжелое положеніе духоборцевъ въ либеральную эпоху царствованія Александра I. Въ самомъ дѣлѣ, можно себѣ представить, что это было за положеніе, когда стоило только изгнанному изъ среды духоборцевъ завѣдомому вору пожелать отомстить своимъ бывшимъ единовѣрцамъ, и онъ тотчасъ же дѣлался полновластнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ судебъ тысячъ людей. Мѣстныя власти становились на его сторону, всячески содѣйствовали ему и даже подстрекали его ко всякаго рода насиліямъ и безобразіямъ. Высшая въ краѣ власть не только не останавливаетъ расхажившагося негодяя и помогающихъ ему мѣстныхъ властей, но еще принимаетъ его подъ свое покровительство и дѣйствуетъ въ его же духѣ. Признанный воръ можетъ хватать десятками первыхъ попавшихся ему честныхъ людей, арестовывать ихъ, сажать въ тюрьму и морить ихъ тамъ цѣлыми годами. И не только все это дѣлается совершенно безнаказанно, но даже высшее правительство, покровительствующее духоборцамъ и заботящееся объ нихъ, не можетъ остановить расхажившагося воришку и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ хлопотъ успѣваетъ прекратить его подвиги. Можно себѣ представить послѣ этого, въ какомъ положеніи должны были очутиться духоборцы съ измѣненіемъ покровительственнаго отношенія къ нимъ правительства?!

А такая перемѣна произошла въ концѣ второго десятилѣтія настоящаго вѣка. Какъ извѣстно, въ это время началась реакція, рѣзко измѣнившая направленіе внутренней политики того времени. Это отразилось и на отношеніи правительства къ сектантамъ вообще и къ духоборцамъ въ частности. Съ этого времени правительство предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ духоборцевъ. Такъ въ 1819 г. комитетъ министровъ постановилъ: «не избирать духоборцевъ (и молоканъ) въ общественныя должности и состоящихъ уже въ должностяхъ удалить отъ нихъ съ тѣмъ, чтобы они платили ежегодно въ городскіе доходы за освобожденіе отъ этой повинности ¹ по 88 р. 66½ к. съ цѣлаго общества». Въ 1821 г., начальникъ ахалцхскаго округа Тифлиской губерніи, гдѣ въ это время было уже до 2,500 душъ духоборцевъ, предлагалъ министру внутреннихъ дѣлъ «для обращенія въ православіе» «разселить семейства ихъ по одному отдѣльно въ русскія деревни и если признается нужнымъ, то отдѣлить дѣтей отъ родителей, и въ такомъ случаѣ увѣщаніе духовныхъ лицъ и примѣры поселятъ въ нихъ желаніе къ принятію право-

¹ Право быть избраннымъ на общественную должность было тогда повинностью!

славной вѣры». Даже въ то отдаленное время нужно было быть *кавказскимъ* чиновникомъ, чтобы придумать такую мѣру, какъ разсѣяніе безъ остатка цѣлаго общества въ 2,500 ни въ чемъ неповинныхъ людей и отнятіе дѣтей у родителей. Въ Петербургѣ, несмотря на реакцію, прозектъ кавказскаго ревнителя былъ забракованъ (стр. 118—120). Но за то было принято въ слѣдующемъ году предложеніе таврическаго губернатора объ отобраніи части земельного надѣла у молчанскихъ духоборцевъ; и дѣйствительно у нихъ была отобрана вся земля, бывшая въ ихъ пользованіи сверхъ нормальнаго 15 десятиннаго надѣла, и затѣмъ они могли получать ее только за арендную плату (стр. 80—81). Въ 1824 г. атаманъ Донскаго Войска, Иловайскій, предлагалъ казаковъ, обратившихся въ духоборчество, оставляя въ казачьемъ званіи, выселять въ предѣлы Кавказской области. Такъ-какъ съ этимъ предложеніемъ не согласился главноначальствующій на Кавказѣ, Ермоловъ, то дѣло было передано въ комитетъ министровъ. По этому дѣлу предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта, В. А. Пашковымъ, было высказано, что духоборцы «силятся къ разрушенію всего того, что есть въ мірѣ цѣннаго для истиннаго сына церкви, престола и отечества» и что хотя духоборцы появляются до сихъ поръ только изъ низшаго сословія людей, но размноженіе общества въ духѣ безначалія, въ какомъ бы сословіи людей ни гнѣздилося, весьма вредно и угрожаетъ опасными послѣдствіями для государства». А потому Пашковъ находилъ необходимымъ выселять духоборцевъ за предѣлы Кавказской области. Согласно съ этимъ мнѣніемъ Пашкова, комитетъ министровъ постановилъ: «Донскихъ казаковъ, впадающихъ въ духоборческую ересь, вмѣсто Таврической губерніи переселять въ настоящіе предѣлы Кавказской области близъ новой линіи нашихъ укрѣпленій и притомъ съ званіемъ и обязанностью казаковъ». Этимъ путемъ надѣялись, такъ сказать, разомъ достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны, казаки-духоборцы, «находясь всегда противу горскихъ народовъ, по необходимости должны будутъ оружіемъ защищать свое имущество и семейство», и, стало быть, поневолѣ принуждены будутъ встать въ противорѣчіе съ однимъ изъ пунктовъ своего ученія; а съ другой—православные, «видя такое употребленіе духоборцевъ, будутъ воздерживаться отъ вступленія въ духоборческую ересь» (подлинныя слова постановленія). Это постановленіе министровъ было утверждено 6-го февраля 1826 г. уже императоромъ Николаемъ I.

Какъ извѣстно, царствованіе Николая I было очень тяжело для раскольниковъ.

Къ сожалѣнію, г. Новицкій въ изложеніи судебъ духоборцевъ при императорѣ Николаѣ I ограничился исключительно матеріаломъ, содержащимся въ «Полномъ собраніи законовъ», да въ «Собраніи постановленій по части раскола». Нечего и говорить о недостаточности этого матеріала. Изучать исторію сектантства по

однимъ правительственнымъ распоряженіямъ все равно, что изучать современное состояніе крестьянъ по своду законовъ. Какъ ни важно знакомство съ законодательными мѣропріятіями, но оно много теряетъ въ своемъ значеніи отъ незнакомства съ тѣмъ, какъ эти мѣропріятія приводились въ исполненіе. Къ тому же, даже изученіе правительственныхъ распоряженій по расколу не можетъ быть полнымъ по «Собранію Законовъ», такъ какъ большая часть этихъ распоряженій были *секретны* и въ «Собраніе» не попали.—Во всякомъ случаѣ воспользуемся хоть тѣмъ, что даетъ нашъ авторъ.

Прежде всего кары обрушились на духоворцевъ Молочныхъ водъ. Уже въ 1826 г. послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы имъ не только не выдавать паспортовъ для заработковъ, но не позволять даже и на малое время отлучаться отъ своихъ селеній иначе, какъ съ вѣдома земской полиціи. Этимъ путемъ надѣялись затруднить сообщеніе духоворцевъ съ православными (стр. 125). Нечего и говорить, какъ губительно должно было отразиться это распоряженіе на экономическомъ благосостояніи духоворцевъ, такъ какъ они не могли отлучаться въ торговые пункты для сбыта своихъ произведеній и, такимъ образомъ, попадали всецѣло въ руки скупщиковъ изъ православныхъ. Но вредное вліяніе этой мѣры, какъ и многихъ другихъ, отчасти парализовалось тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ нея можно было откупаться, платя «положенное» чиновникамъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ поднятъ и общій вопросъ о духоворцахъ. Въ томъ же 1826 г., управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. С. Ланской, вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о томъ, чтобы лицъ, предавшихся духоворческой, молоканской, иконоборческой¹ и т. п. сектамъ, ссылать на поселеніе въ Западную Сибирь; распространителей же ересей ссылать въ Восточную Сибирь на работы. Императоръ находилъ, однако, лучшихъ сектантовъ, способныхъ къ военной службѣ, отдавать въ рекруты и только неспособныхъ ссылать въ Сибирь. Вопросъ этотъ былъ перенесенъ въ государственный совѣтъ. Были потребованы свѣдѣнія отъ генералъ-губернатора Западной Сибири о томъ, есть ли тамъ участки земли, пригодные для поселенія духоворцевъ, и такъ какъ переписка по этому поводу затянулась, то вопросъ былъ разрѣшенъ только въ 1830 году. Именно былъ изданъ указъ, который, говоря словами

¹ Иконоборческая секта и доселѣ фигурируетъ въ нашихъ законахъ о раскольникахъ. Курьезнѣе всего то обстоятельство, что такой секты вовсе не существуетъ. Можно было бы думать, что подъ иконоборческой сектой законъ разумѣетъ собраніе всѣхъ сектъ, отвергающихъ иконопочитаніе; но что это не такъ, видно изъ того, что въ законѣ вездѣ рядомъ съ иконоборцами упоминаются духоворцы и молокане, чего не было бы при указанномъ толкованіи слова «иконаборецъ», такъ какъ и духоворцы, и молокане отвергаютъ иконопочитаніе и, стало быть, входили бы въ составъ «иконаборческой секты». А между тѣмъ особой секты *иконаборцевъ* нѣтъ совсѣмъ.

г. Новицкаго, «выражаетъ собой характеристику всей дѣятельности правительства относительно духоворцевъ и другихъ подобища». И дѣйствительно указъ этотъ любопытенъ. Имъ опредѣлялось: всѣхъ «особенно вредныхъ» сектантовъ (т. е. молоканъ, духоворцевъ, *иконаборцевъ*, иудействующихъ и скопцовъ), признанныхъ виновными въ распространеніи своей ереси, а также «въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзости противъ церкви и духовенства православной вѣры», отдавать въ солдаты, обращая на службу въ кавказскій корпусъ, а въ случаѣ неспособности—ссылать для водворенія въ Закавказье. Сектанты, отданные въ солдаты, должны были оставаться на службѣ до самой смерти: они не получали ни временныхъ отпусковъ, ни отставки, *если не обратятся къ православію*. Въ послѣднемъ же случаѣ, имъ не только возвращались ихъ гражданскія права и они возвращались въ прежнія мѣста жительства, но они еще получали трехлѣтнюю льготу отъ платежа податей (стр. 127—129).

Этотъ указъ дѣйствительно вполнѣ характеризуетъ политику, которой держалось правительство по отношенію къ сектантамъ во все теченіе всего царствованія императора Николая I. Съ одной стороны, противъ сектантовъ принимались суровыя мѣры, а съ другой—имъ предлагали всяческія льготы къ переходу въ православіе. Въ результатъ такой политики получалось, однако, совсѣмъ не то, чего ожидали авторы репрессивныхъ мѣръ. Репрессивныя мѣры вызывали среди сектантовъ озлобленіе и фанатическое стремленіе «пострадать за правую вѣру» съ одной стороны, а съ другой—существованіе *тайныхъ* раскольниковъ, наружно исполнявшихъ всѣ требованія православной церкви. Льготы обратившихся въ православіе привели къ тому, что многіе раскольники притворно обращались въ православіе единственно ради выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ обращеніемъ; понятно, что это была самая безнравственная часть сектантовъ, для которой было совершенно безразлично, къ какому религіозному исповѣданію ни причислять себя. Такимъ образомъ, получалось нѣчто прямо противоположное тому, что ставило себѣ цѣлью правительство: расколъ не только не ослабѣвалъ, но еще укрѣплялся и распространялся. Съ одной стороны, раскольники общины крѣпли вслѣдствіе того возбужденія сектантовъ, которое вызывалось репрессивными мѣрами, а съ другой—вслѣдствіе того обстоятельства, что изъ ихъ среды искусственно переманивались въ православіе всѣ болѣе безнравственные элементы.

Вслѣдъ за указомъ 1830 г., собственно относительно духоворцевъ принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ карательнаго и предупредительнаго характера. Такъ, когда въ 1833 г. молочанскіе духоворцы, по случаю неурожая, просили о дозволеніи имъ отлучекъ для заработковъ въ другія губерніи, то комитетъ министровъ постановилъ отказать имъ въ этой просьбѣ и позволить имъ отлучки только въ Крымъ и притомъ не болѣе, какъ только

до жатвы 1834 года (стр. 125). Такимъ образомъ, цѣлая отрасль экономическихъ занятій—отхожіе промыслы, дѣлалась недоступною для духоборцевъ. Въ слѣдующемъ, 1834 году, предписано было начальнику Тамбовской губерніи относительно тамошнихъ духоборцевъ «строго смотрѣть, чтобъ не было ими дѣлаемо публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты» (стр. 126). Это постановленіе (распространенное на многія секты) существуетъ и доселѣ въ нашихъ законахъ о расколѣ и ведетъ къ тому, что полиція и духовенство просто-на-просто разгоняютъ всякія собранія сектантовъ, арестуютъ собравшихся и подвергаютъ ихъ заключенію въ «клоповникахъ» и «холодныхъ». Въ 1835 г., повелѣно не выдавать рекрутскихъ паспортовъ женамъ духоборцевъ, поступающихъ въ военную службу, и это опять-таки «для стѣсненія сношенія съ православными» (стр. 125—126). Въ томъ же году духоборцамъ, наравнѣ съ членами другихъ «особо вредныхъ» сектъ, запрещено приписываться въ городскія общества всѣхъ мѣстностей Россіи, кромѣ Закавказья; тѣхъ же, кто, скрывъ свою принадлежность къ сектѣ, припишутся къ городскимъ обществамъ, определено судить наравнѣ съ бродягами, давшими ложное показаніе о себѣ. Этихъ стѣсненій оказалось, однако, мало, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ указъ, дозволявшій приписку духоборцевъ изъ всѣхъ закавказскихъ городовъ только въ семи: Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкорани, Нахичевани и Урдубатѣ (стр. 133—134). Въ 1836 г., духоборцамъ, а также и всѣмъ другимъ раскольникамъ, посланнымъ въ Закавказье, воспрещено отлучаться во внутреннія губерніи; отлучки дозволялись только въ предѣлахъ Закавказья и притомъ не долѣе, какъ на 8 мѣсяцевъ; кромѣ того, въ паспортахъ, выдаваемыхъ имъ, точно обозначалось мѣсто отлучки, и отлучаться въ какое-либо другое мѣсто, хотя бы въ предѣлахъ Закавказья, получившему паспортъ воспрещалось (стр. 134). Такимъ образомъ, и закавказскіе духоборцы были лишены права свободного передвиженія, что служить серьезнымъ препятствіемъ для всякаго населенія въ экономическомъ преуспѣяніи и что, однако, не помѣшало закавказскимъ духоборцамъ достигнуть высокой степени благосостоянія. Въ томъ же 1836 году относительно духоборцевъ, сосланныхъ въ Сибирь, было постановлено, въ случаѣ распространенія ими своей секты, удалять—поселенцевъ въ отдаленный край Сибири, а каторжныхъ—въ одинъ изъ перчинскихъ рудокопныхъ заводовъ; кромѣ того, послѣднимъ удлиннялся срокъ пребыванія на каторгѣ (стр. 137—139). Въ 1837 г. постановлено: закавказскихъ духоборцевъ, «въ случаѣ присужденія ихъ къ отдачѣ въ военную службу, отсылать въ войска, въ Сибири расположенныя, а по неспособности ихъ къ военной службѣ и женщинъ ссылатъ туда же на поселеніе» (стр. 131). Въ 1839 году, послѣдовала новая мѣра, направленная къ стѣсненію экономической дѣятельности духоборцевъ и молоканъ; именно имъ воспрещено «приобрѣтать въ собственность земли

далѣе 30 верстъ отъ мѣста ихъ водворенія, или въ другомъ уѣздѣ» (стр. 126).

Мы подошли теперь къ самому печальному періоду исторіи духоборцевъ, когда признанный при Александрѣ I нелѣпнымъ проэктъ Ланжерона о выселеніи молчанскихъ духоборцевъ въ такой край, «гдѣ нѣтъ христіанъ», не только оказался разумнымъ, но и былъ приведенъ въ исполненіе. Исторія эта вообще очень темная, и врядъ ли будетъ скоро разъяснена. Чѣмъ была вызвана такая суровая мѣра, направленная противъ цѣлаго населенія, заслуживавшаго доселѣ одни лестные отзывы своимъ трудолюбіемъ, смысленностью и высоконравственнымъ образомъ жизни? Г. Новицкій говоритъ, что гнѣвъ правительства на молчанскихъ духоборцевъ былъ вызванъ страшнымъ развратомъ, воцарившимся въ ихъ селахъ, общею безнравственностью и цѣлымъ рядомъ преступленій, совершенныхъ духоборцами. Именно онъ приводитъ извѣстіе, записанное Гакстгаузеномъ, что около 400 духоборцевъ одновременно исчезли безъ всякаго слѣда, т. е., по мнѣнію г. Новицкаго, были тайно убиты ихъ старѣйшинами. Нелѣпость этой цифры указывается косвенно самимъ г. Новицкимъ; именно онъ говоритъ, что произведеннымъ слѣдствіемъ было обнаружено только 21 убійство (стр. 144). Къ сожалѣнію, документы этого слѣдствія гниютъ доселѣ въ архивахъ, и остается совершенно неизвѣстнымъ, кто производилъ это слѣдствіе, какъ оно велось и какія данныя добыты имъ. Незвѣстно также, откуда заимствовалъ г. Новицкій цифру 21 убійства, такъ какъ онъ, обыкновенно крайне точный и пунктуальный въ указаніи источниковъ, въ данномъ случаѣ измѣнилъ своей точности и не подтвердилъ своего обвиненія духоборцевъ въ совершеніи убійствъ ссылкой на источникъ. Вообще, всѣ эти толки о безнравственности духоборцевъ кажутся намъ крайне сомнительными. Дѣло въ томъ, что всѣ свидѣтельства, относящіяся ко времени до выселенія молчанскихъ духоборцевъ въ Закавказскій край, рисуютъ ихъ нравственность въ самомъ выгодномъ для нихъ свѣтѣ; такимъ же характеромъ отличаются свидѣтельства о тѣхъ же духоборцахъ послѣ ихъ переселенія въ Закавказье: выходитъ какъ будто, что духоборцы сдѣлались крайне безнравственными именно на тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ шло дѣло о ихъ выселеніи. Поэтому намъ кажется болѣе вѣроятнымъ то объясненіе этой печальной исторіи, которое получено г-жею Филибертъ отъ мѣстныхъ мелитопольскихъ старожиловъ. Именно она говоритъ, что гнѣвъ правительства противъ молчанскихъ духоборцевъ былъ вызванъ доносомъ одного полицейскаго чиновника, который получалъ значительныя выгоды отъ духоборцевъ и которому они отказали въ какомъ-то вымогательствѣ; разгнѣванный полиціантъ всячески очернилъ духоборцевъ передъ тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Воронцовымъ, и обвинилъ ихъ въ разныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ они, по отзывамъ мѣст-

ныхъ старожиловъ, совсѣмъ не были повинны: въ результатѣ получилось изгнаніе цѣлаго населенія съ насиженныхъ мѣстъ за тридевять земель¹. Если мы вспомнимъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ для духоборцевъ приводили подаваемые на нихъ ложные доносы еще въ царствованіе Александра I, когда высшее правительство было благосклонно по отношенію къ духоборцамъ, то намъ нисколько не будетъ удивительно, что въ концѣ 30-хъ годовъ ложный доносъ какого-нибудь полицейскаго могъ повлечь за собою страшное бѣдствіе для цѣлаго населенія. Объясненіе г-жи Филибертъ кажется тѣмъ правдоподобнѣе, что она писала тогда (1870 г.), когда въ памяти мѣстнаго населенія должны были быть еще вполне свѣжи всѣ подробности разгрома молочанскихъ духоборцевъ, имѣвшаго мѣсто всего 25—30 лѣтъ назадъ (именно въ 1841—45 гг.). Наконецъ, допуская справедливость приводимыхъ г. Новицкимъ извѣстій о совершенныхъ старшинами духоборцевъ убійствахъ, можно спросить: неужели справедливость требовала, чтобы за преступленія отдѣльных лицъ (старшинъ) должно было нести наказаніе все многотысячное населеніе молочанскихъ духоборцевъ?..

Въ 1839 году состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «всѣ духоборцы были переселены изъ Молочныхъ водъ и водворены въ закавказской провинціи». Это повелѣніе было объявлено духоборцамъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и выселеніе началось. Оно продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и было закончено только въ 1845 году. Тяжела была картина изгнанія духоборцевъ съ родныхъ пепелищъ. Все имущество, нажитое многолѣтними трудами, было продано за безцѣнокъ, жилища брошены, земля запущена. Оставляя родную землю, столько лѣтъ кормившую ихъ, духоборцы «припадали къ ней грудью, цѣловали ее, рыдали, простирали руки къ небу и пѣли скорбные псалмы. Но и земля, къ которой они такъ горячо припадали, и люди, которые должны были ихъ слышать, все оставалось глухо къ ихъ печали. Эти, еще годъ тому назадъ, богатые люди, были переселены на границу Кавказа къ Персіи»². Переселились почти всѣ молочанскіе духоборцы, въ количествѣ 10 или 12 тысячъ. Правительство пыталось соблазнить выселяемыхъ позволеніемъ остаться на прежнемъ мѣстѣ жительства тѣмъ изъ нихъ, кто обратится въ православіе (стр. 146). Этому условію согласилось подчиниться и осталось на мѣстѣ, по словамъ г. Новицкаго, «значительное число» духоборцевъ, т. е., по просту, всего-на-всего 27 душъ (стр. 153)...

На этомъ оканчивается историческая часть сочиненія г. Новицкаго; но здѣсь еще далеко не конецъ исторіи духоборцевъ. Много еще горя, много бѣдъ пришлось имъ вытерпѣть. Выслан-

ные въ чуждый край, гдѣ условія почвы, климата, жизни были для нихъ совершенно непривычны и неизвѣстны, окруженные враждебными горскими племенами, не пользуясь въ силу своихъ принциповъ защитой оружія, они, казалось, должны были погибнуть безъ остатка. Но такова сила тѣхъ общинныхъ принциповъ, которые положены въ основу духоборческаго общества, что, страдая постоянно отъ набѣговъ, перемѣны климата, лихорадки, они, къ концу-концовъ, не только съумѣли приспособиться ко всѣмъ мѣстнымъ условіямъ, но еще оживили край своею промышленностью и сдѣлались самою зажиточною частью закавказскаго населенія. И вотъ, 35 лѣтъ спустя изгнанія духоборцевъ изъ Молочныхъ водъ, когда правительству понадобился надежный элементъ для обрусенія вновь завоеванной Карской области, правительство оказалось вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи именно духоборцевъ и путемъ льготъ привлечь ихъ въ завоеванный край. Значеніе духоборцевъ, какъ фактора руссификаціи, опредѣляется, какъ ихъ трудолюбіемъ и промышленною работою, такъ и тѣмъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на окрестное туземное населеніе. Это нравственное вліяніе до того замѣтно, что жители тѣхъ мѣстностей Закавказья, гдѣ нѣтъ духоборцевъ и другихъ сектантовъ, съ сожалѣніемъ останавливаются на этомъ фактѣ. Такъ недавно корреспондентъ «Русскаго Курьера»¹ изъ урочища Кусары, Бакинско-й губерніи, Кубинскаго уѣзда, рассказавъ о постоянныхъ убійствахъ изъ мести, имѣющихъ мѣсто въ тамошней мѣстности, и указавъ на Ленкоранскій уѣздъ, гдѣ, со времени поселенія сектантовъ, преступленія подобнаго рода значительно уменьшились, такъ какъ сектанты оказали сильное вліяніе на ослабленіе ученія корана о мести, съ грустью замѣчаетъ: «Теперь же, какъ мы слышали, переселяться сектантамъ на Кавказъ воспрещено, слѣдовательно, намъ придется еще долгое время претерпѣвать отъ ревностныхъ послѣдователей корана». Такова горькая на-смѣшка исторіи надъ репрессивными мѣрами, направлявшимися противъ духоборцевъ во имя *противооударственности* ихъ ученія и *безнравственнаго* образа ихъ жизни.

Въ книгѣ г. Новицкаго есть особый полемическій отдѣлъ, въ которомъ онъ жестоко нападаетъ на гг. Варадинова, Барсова, Пругавина и меня, какъ автора «Программы вопросовъ для собиранія свѣдѣній о сектантствѣ». Гг. Варадинову и Барсову досталось потому, что они давали отзывы на первое изданіе книги г. Новицкаго; но почему г. Новицкій, въ специальномъ трактатѣ о духоборцахъ, заговорилъ о г. Пругавинѣ и обо мнѣ, никогда о духоборцахъ, не писавшихъ ни о духоборцахъ, ни о г. Новицкомъ, совершенно непонятно. Но разъ г. Новицкому вздумалось вступить въ полемику со мною, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу. Серьезнаго разбора возраженій г. Новицкаго я

¹ «Отч. Зап.», 1870, № 6, стр. 293.

² 14.

¹ 1882, № 132.

дѣлать не буду, такъ какъ никакихъ возраженій противъ представляемаго мною направленія въ дѣлѣ изученія сектантства г. Новицкій не дѣлаетъ, а ограничивается либо шуточками дурного тона, либо такими замѣчаніями, читая которыя только руками разводилъ отъ удивленія. Такъ, приведя мои слова о томъ, что «сектанты въ каждомъ человѣкѣ видятъ прежде всего человека, а не кунца, барина, старосту, мужика и пр., что они въ человѣкѣ цѣнятъ выше всего его нравственное достоинство, а не его общественное положеніе, не его имущественную состоятельность», г. Новицкій возражаетъ: «Но и каждый человѣкъ видитъ въ другомъ человѣкѣ прежде всего человека, а не звѣря или птицу» (стр. 195). Можетъ быть, это и остроумно, но къ дѣлу никакого отношенія не имѣетъ. Въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ моихъ словъ о томъ, что сектанты въ послѣдовательномъ развитіи своихъ взглядовъ доходятъ, между прочимъ, до отрицанія войны, г. Новицкій съ апломбомъ заявляетъ, что «отрицаніе войнъ придумали вовсе не русскіе сектанты» а что «эта мысль занесена въ Россію квакеромъ, положившимъ у насъ первое основаніе духоборчества» (стр. 196), хотя самъ злобредный «квакеръ» есть не что иное, какъ продуктъ пылкой фантазіи г. Новицкаго (см. выше). Можно ли серьезно спорить съ такимъ противникомъ? Я ограничусь указаніемъ только на одно курьезное обстоятельство: потративъ десятки страницъ на опроверженіе той мысли, что новѣйшее сектантство есть продуктъ социальнo-экономическихъ условій русской жизни и что поэтому въ новыхъ сектахъ социальнo-экономическая сторона преобладаетъ надъ религіозною, г. Новицкій, въ концѣ концовъ, высказываетъ именно тѣ самыя мысли, противъ которыхъ онъ такъ горячо ратовалъ. Именно г. Новицкій говоритъ, что «стремленіе сектантовъ къ новымъ формамъ жизни» есть *«социально-экономическое движеніе»* и если оно связывается у насъ съ сектантствомъ, то развѣ потому только, что малообразованный, младенствующій народъ и о своихъ житейскихъ нуждахъ умѣетъ говорить только языкомъ религіи. Тяготятся ли крестьяне какой-либо мѣстности выкупными платежами за предоставленную имъ землю—появляется изъ среды ихъ пророкъ, какъ это было въ Пермской губерніи въ 1866 году — и проповѣдуетъ гласно, что вся земля Божья, а Богъ хочетъ, чтобы всѣ его дѣти свободно пользовались ею безъ всякаго кому-бы то ни было вознагражденія; толпы народа охотно вѣрятъ своему пророку — и вотъ слагается мнимо-религіозная секта. Находятъ ли гдѣ-либо крестьяне, при малоземельности и отсутствіи заработковъ, непосильными для себя налоги и подати, опять выставляютъ впередъ религію и небо, а не простое объясненіе своего положенія. Такъ на Дону не хотѣли платить подати потому (?), что наступаетъ конецъ міра, о чемъ извѣстіе принесли съ седьмого неба Іоаннъ Креститель и Варвара. На Уралѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже появилась секта *«неплательщиковъ»* потому (?), что будто по-

явился человѣкъ съ золотою книгою, въ которой прописано, что податей платить не слѣдуетъ. Тоже повторилось въ 1871 году въ нѣсколькихъ деревняхъ Саратовской губерніи около Царицына. Въ подобнаго рода случаяхъ сектантство не есть дѣйствіе, или слѣдствіе экономическихъ требованій (?), а просто есть *«экономическое движеніе съ религіозной только окраской»* (202). О чемъ же въ такомъ случаѣ вы спорили, г. Новицкій?...

Еще одно замѣчаніе чисто личнаго свойства. Г. Новицкій заявляетъ въ предисловіи, что онъ вступилъ въ четвертое двадцатипятилѣтіе своей жизни. И однако три четверти вѣка жизни не научили г. Новицкаго добросовѣстному отношенію къ противникамъ: почти всѣ приведенныя изъ моей статьи выдержки онъ передѣлалъ самымъ безбожнымъ образомъ. Остановлюсь на одномъ примѣрѣ. Г. Новицкій цитируетъ: «Является страшная потребность осмыслить свою жизнь, потребность опредѣлить, «кто я и гдѣ я», обосновать на разумѣ свои отношенія къ Богу, міру и людямъ. Работа трудная, непосильная даже людямъ *интеллигенціи*, но въ народѣ она идетъ успешно, конечно, только у немногихъ, сильныхъ умовъ; въ народѣ лучшіе умы идутъ смѣло на встрѣчу этимъ вопросамъ и рѣшаютъ ихъ. Эти лучшіе умы составляютъ главный контингентъ членовъ новыхъ сектъ.» Послѣ этой цитаты г. Новицкій съ ироніей замѣчаетъ: «Неудивительно, поэтому, что русскій мужичокъ-сектаторъ интеллигентнѣе всей интеллигенціи русской, какъ убѣжденъ авторъ» (стр. 124). Между тѣмъ, я никогда не говорилъ того вздора, въ которомъ, по мнѣнію г. Новицкаго, я убѣжденъ, и все дѣло объясняется просто тѣмъ, что г. Новицкій передѣлалъ по своему середине приведенной цитаты. Именно у меня въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ сказано слѣдующее: «Работа трудная, оказывающаяся не подъ силу даже людямъ интеллигенціи. *Что же удивительнаго, что въ народѣ она идетъ успешно только у немногихъ, наиболее сильныхъ умовъ. Масса же народа или оставляетъ эти вопросы въ сторонѣ, подавленная непомерною тяжестью требованій жизни, или впадаетъ въ мистицизмъ.* Но за то лучшіе умы народа смѣло идутъ навстрѣчу этимъ вопросамъ» и проч. («Отч. Зап.», 1881 г., № 4). Мнѣ, не прожившему еще одной четверти вѣка, очень грустно ловить на подобномъ *«фортелѣ»* старика, «вступившаго уже въ четвертое двадцатипятилѣтіе жизни...»

Я. Абрамовъ.